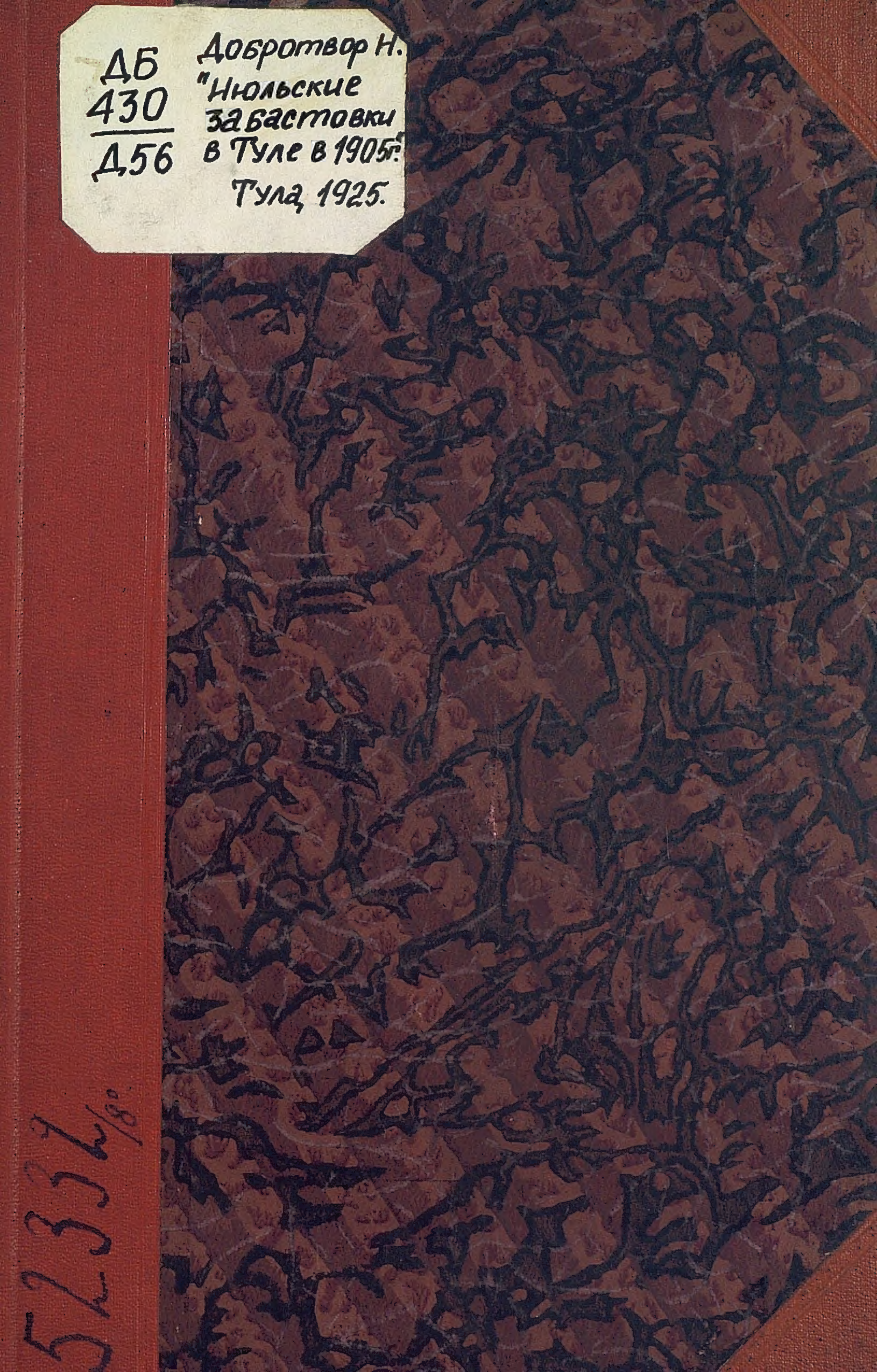

ДБ
430
Д56
Добротвор Н.
"Июльские
забастовки
в Туле в 1905г."
Тула 1925.
52332/8°

ИЗДАНИЕ ТУЛЬСКОГО ИСТПАРТА.

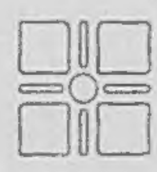
1925.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЮЛЬСКИЕ ЗАБАСТОВКИ

в Туле в 1905 году.

Составил Н. Добротвор.

Издание Тульского Истпарта.

1925 г.

Гублит № 731. 1-я тип. Тулпечати, ул. Коммунаров, 42. Тираж 2000 экз.

Июльские забастовки в Туле в 1905 г.

„Летние месяцы (1905 г.) ознаменовались новыми массовыми выступлениями рабочих в разных частях России, новым обострением отношений между рабочими и правительством...

Методы борьбы рабочих остаются те-же: всеобщие стачки, демонстрации“...*),

В июне — июле 1905 г. проводится забастовка в Иваново-Вознесенке; в ней участвуют до 60 тысяч рабочих; забастовка длительная, с жертвами.

В это же время возникают забастовки в Костроме и других городах России.

Наконец, вспыхивают забастовки в Туле.

Летом 1905 г. поднялась новая после январьской волна революции.

Летом 1905 г. положение в Туле было таково, что тогда более или менее легко можно было поднять на борьбу рабочие массы, но зато было труднее победить.

Легкость борьбы определялась, во-первых, крепостью партийной с.-д. организации в Туле и, во-вторых, материальной, почти безвыходной нуждой большинства тульских рабочих, толкавшей их на завоевание лучшей жизни.

„В течение зимы 1904 — 1905 г.г. деятельность соц.-дем. организации в Туле была ослаблена: 1) ликвидациями, 2) партийными раздорами.

К июлю 1905 г. деятельность Тульского комитета определилась присоединением его к фракции большинства (здесь неточность, т. к. Тульский комитет к началу 1905 г. стоял на платформе большевиков. Н. Д.) и с этого моменга с-д. фракция начала расти вширь и вглубь. Главной руководительницей движения явилась домашняя учительница Прасковья Францевна Куделли, которая и раньше была известна, как один из наиболее энергичных деятелей

---

*) Кольцов. Рабочие в 1905—07 г.г. «Обществ. движ. в России в начале XX века“.

местной с.-д. организации. Она стала во главе комитета, сгруппировав разрозненные силы и взяв на себя обязанности главного агитатора“ *).

Об этом же говорит А. Фролов в „Пробуждении“:

„Связь установилась прочная. Мы знали, что делалось в Москве и Питере, там знали, что делалось у нас. Петербург даже дал нам работницу с кличкой „тетенька“ (Куделли—Н. Д.**). Она была уже немолодая и такая простая, что понравилась всем передовым рабочим. Как женщина, она быстро заметила пробел, заключавшийся в том, что не было у нас женских кружков. Быстро их организовала. Обратила она внимание и на малые средства организации и с этой целью предприняла целый ряд начинаний“.

Что касается экономической нужды рабочих, то на нее в то время обратили внимание даже в официальных кругах.

Жандармское управление писало:

„Рабочие жалуются на дороговизну жизни в Туле: мясо по 18—20 к. фунт, дрова 30 р. сажень, квартира в 2 комнаты — 10 руб. и т. д.

Жалуются на недостаточную заработную плату вообще и безусловно слишком низкую для женского труда.

Заработная плата велика только для самого незначительного числа рабочих, главная же масса рабочих не вполне обеспечена. Более половины завода (Патронного), т. е. около 4-х тысяч человек, имеют заработную плату от 90 к. до 1 р. 25 к. в день, что составляет в месяц за вычетом воскресных и праздничных дней максимальный заработок от 23 до 29 р. в месяц, человек 300 — 400 зарабатывают менее 90 к. в день; женщины, которых на заводе (Патронном) работает около 1000 душ, зарабатывают в день по 35 к., что составляет общий заработок в месяц за вычетом праздничных дней около 8 рублей, а между тем многие из работниц содержат семью.

Всего завод платит рабочим в месяц 167.000 руб., включая сюда же полуторную плату за сверхурочные часы, ночную работу и двойную плату за работу в праздничные дни. Всех рабочих в заводе (Патронном) 6200 человек, следовательно, средняя заработная плата одного рабочего в месяц, работающего только урочную

*) Дело № 116 о расследовании по обстоятельствам протекающих забастовок среди рабочих тульских заводов и мастерских. 1905 г. Архив тульск. губ. жанд. управл.

**) Теперь живет в Ленинграде. Заведует истпартом.

работу, составляет **значительно менее** (подчеркнуто мной—И. Д.) 26 рублей в месяц".

В довершение ко всему этому в нужды и интересы рабочих не только никто не входил, но над рабочими прямым образом издевались.

В том же донесении мы читаем:

„Фабричный инспектор Тетеро никогда на заводе не бывает, рабочих, которые являются к нему по своим нуждам, как к фабричному инспектору, принимает его кухарка, а если кто настаивает на свидании с фабричным инспектором, то тех рабочих он принимает крайне грубо и при всяком возражении грозит, указывая в окно на 2-ую полицейскую часть, находящуюся через дорогу от его квартиры, говоря:

— Вон, видишь часть, так убирайся, если не желаешь туда попасть.

Благодаря такому экономическому и правовому положению рабочих создалась об'ективно благоприятная почва для забастовок, для волнений, для борьбы".

Но трудности борьбы рабочих также были налицо. Главная трудность заключалась в том, что война с Японией заканчивалась, что острой потребности в оружии и патронах уже не было, наоборот, намечалось сокращение производства, а отсюда — если-бы завод и закрылся, то больших убытков от этого не получилось бы, между тем как рабочие сильно пострадали бы от безработицы.

В январе 1905 г., когда бастовал Патронный завод, козыри были в руках рабочих, у завода были срочные военные заказы и т. д. и заводская администрация пошла на уступки рабочим.

В июле же положение изменилось и козыри оказались уже в руках заводской администрации,—она на уступки не пошла и забастовка рабочими была проиграна.

Другой трудностью для проведения забастовки было то, что администрация уже имела опыт (после января 1905 г.), она не растерялась, пустила все средства, заранее приготовленные и могущие сорвать и разбить забастовку, как то: военная сила, провокаторство, обман и использование нужды рабочих (закрытие заводской лавки).

Еще в июне начала создаваться в Туле забастовочная атмосфера.

Тульский комитет РСДРП вопрос о забастовке поставил в порядок дня своей ближайшей работы.

Задача Тульского комитета состояла в том, чтобы уловить настроение рабочей массы, выявить, чем рабочий недоволен, от

чего он больше всего страдает, и, кроме того, поставить перед рабочими массами ясно очерченные, классовые цели их борьбы за новое будущее.

Иначе сказать, задачей комитета было—подготовить выкристализовать забастовку и затем ею руководить в интересах пролетариата.

Тульский комитет в июне 1905 г. полагал, что необходимо организовать **всеобщую** забастовку в Туле, когда в нее были бы одновременно втянуты тульские заводы - гиганты и мелкие предприятия.

В об'единении всех сил рабочего класса был залог победы.

Тульский комитет при проведении июльских забастовок, конечно, учитывал, что они будут иметь обще-политическое значение, что эти забастовки прежде всего будут братской рукою помощи, протянутой иваново-вознесенским пролетариям, тогда уже бастовавшим.

Недаром в Тулу в июне 1905 г. для переговоров приезжали товарищи из Иваново-Вознесенска, агитаторы, как их охарактеризовало тульское жандармское управление.

Несомненно, тогда была сделана попытка установить согласованность в действиях иваново-вознесенских и тульских рабочих.

*

Сначала забастовку намечали провести к концу июня 1905 г., при чем в эту забастовку должен был быть втянут Оружейный завод.

Оружейный завод до того времени ни разу не бастовал. Особые условия, в которых находились рабочие-оружейники, привели к тому, что они были закрепощены заводом; оружейники, это — „казюки“, т. е. казенные люди. Оружейники были консервативны, неподвижны, отсталы. Их интересы были ограничены рамками собственного благополучия.

Три вещи любил оружейник: свою хату, голубей и водку.

Трудно было поднять оружейников на борьбу.

Некоторые оружейники в 1905 г. втянулись в партию, но основная масса рабочих была вне политики, держалась за начальство, ожидала от него наград за выслугу (кафтан, медаль и т. д.) и не верила в свою собственную силу.

Очень хорошо положение рабочих и завода в то время характеризует в своих воспоминаниях Сергей Дегтерев.

„Начальство чувствовало себя господином, а на рабочего смотрело, как на скотину. Всячески старалось его унизить и всякими мерами заставляло чувствовать, „что ты — раб, а я — господин“. Примерами были такие факты:

Рабочий обращается к начальству за прибавкой и получает ответ:—„вон из конторы!“ Если проситель не уходит, то ему грозят позвать сторожа и выгнать с завода.

Бывали минуты, когда начальство захочет поиздеваться: прибавляло 2—5 копеек на день, с иронической насмешкой.

„Ты—малый хороший, вот тебе прибавка, ходи в церковь и молись за начальство!“

Применялись всякие репрессии и штрафовали за всякую безделицу.

Санитарные условия завода были никуда негодны, не было вентиляций и различных предохранений.

Рабочий задыхался в дыму и, благодаря малейшей неосторожности, мог быть изуродован.

Необходимо отметить, что масса рабочих ненавидела более передовых товарищей.

Особенно подвергались насмешкам и оскорблениям рабочие Механической мастерской, так как они были квалифицированные, побывавшие в других городах. Они старались одеваться чище и вели себя аккуратно.

Им вдогонку сыпались всегда оскорбления, их освистывали, кидали в них грязные и масляные концы.

Жаловаться было некому, так как начальство поощряло дикие выходки отсталых рабочих и само ненавидело хорошо одетых рабочих, видя в них своих врагов.

Обмен мнений между рабочими сводился к тому, что, разбиваясь на группы, они делились личными впечатлениями такого свойства: одни рассказывали, как поют певчие, какой у дьякона голос, другие на счет чижей и голубей, третьи о кулачных боях и т. д. И беда тому товарищу, который решался убедить, что нужно время тратить на самообразование и на защиту своих рабочих прав.

Тогда поднимались ругань и оскорбления:

«А ты—барин, скубент, астрабариц» (так звали раньше в заводе социал-демократов).

При таком положении революционному рабочему трудно было вести политическую работу. Молодые люди и те мало принимали участия в революционном движении. Как это ни трудно было,

но все же передовые рабочие вели работу, собираясь в круглом здании (где когда-то вырабатывался светильный газ), обсуждали положение в заводе.

После кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) социал-демократической организацией было постановлено об'явить стачку — протест. Была выпущена масса прокламаций и приглашен интеллигент для проведения митинга. Но вывести рабочих на двор не удалось; вышло не более 300 человек.

На Оружейном заводе практиковались зубатовские приемы, борьбы с революционным настроением в рабочих рядах.

Заводское начальство само устраивало собрания рабочих по мастерским, где выставляло себя защитником и другом рабочего класса.

Об одном таком собрании оружейников и его последствиях сообщает в своих воспоминаниях Н. Вепринцев.

„Станки были остановлены и весь цех был собран около иконы у нашего верстака. Подполковник говорил с военными приемами: грудь держал колесом и неуклюже размахивал руками. Речь свою окончил обычным обращением к рабочим высказаться, кто чем недоволен, но охотников не находилось и высказывались лишь цеховые мастера и старшие браковщики, которые указывали, что цех всем доволен, что рабочие и дальше будут продолжать так же работать и благодарить бога, что о них заботятся и т. п. Я находился в двух шагах от этой своры и самого начальника. Не знаю, от волнения-ли или от злобы нервно сжимал и скрипел зубами, что не могло не обратить внимания стоявших со мной рядом рабочих. Я знал, что в толпе есть и наши ребята, но они не решались говорить. Я попросил слова, которое не без иронии мне было дано, как безусому мальчишке. Говорил я о том, чтобы улучшили наше положение: увеличили заработную плату, устроили вентиляцию, сделали вешалки для одежды, которую мы вынуждены были мокрой класть на сальные и пыльные станки и тем самым портить как одежду, так и станок; увеличить кубовую для кипятку, из-за которого нам, сдельщикам, приходилось терять много времени и т. д. Во время моего разговора из среды рабочих посыпались и другие требования и раздались ободряющие голоса, указывавшие, что я говорю правду.

Подполковник немедленно согласился на устройство вешалок и строго запретил класть мокрую одежду на станки. По остальным же требованиям пустился в пререкания и тут же стал расспрашивать, сколько зарабатываю я и мои соседи. Когда я указал, что

мы зарабатываем не более 1 р. 20 к. в день, который тянется с 7 часов утра до 5 — 6 вечера, что этого мало не только для семейного, но не хватит и одинокому, то он через мою голову обратился за ответом к моим соседям и мастерам и неожиданно для нас возник спор между мастерами и рабочими. Рабочие утверждали, что заработная плата низка, что Николай говорит правду; мастера, готовые лопнуть от злости, против доводов массы ничего путного возразить не могли. Начальник же, видя, что на этом пункте страсти разыгрываются, прекратил прения по этому вопросу и перешел на вентиляцию.—Что же, мол, вам надо устроить—электрическую? На это мною было заявлено, что какую хотите делайте, лишь бы воздух в цехе был хороший, а то сейчас хотя топор вешай и после работы в такой обстановке у рабочего болит голова. С этим он поспешил согласиться и обещал принять меры к устройству вентиляции, а также урегулировать и вопрос с получением кипятка. Собрание на этом было закрыто и дальнейшее митингование по заводу было прекращено. Этот случай немедленно сделался известным на заводе и быстро разнесся по Заречью и Чулкову. Дома меня встретили со слезами, предчувствуя, что меня опять заберут. Товарищи же по кружку из этой первой попытки нашли ту самую, что называется, изюминку, вокруг которой стали группировать рабочее мнение и по тем временам, надо сказать, развили довольно сильную агитацию за улучшение положения рабочих. В нашем же цехе и, главным образом, на нашем переходе начался пересмотр заработков и, как помнится мне, нам набавили что-то около 20%. К устройству вентиляции также приступили и устроили. Но устроили так, что нам пользоваться ею не представлялось никакой возможности. Сквозняк дул по нашим головам и из нашей среды все чаще и чаще стали отправляться в больницу. Мастера же, видя, что мы начали закрывать форточки, стали хихикать: „что-ж, просили вентиляцию и не пользуетесь“? А можно-ли ею пользоваться или нет, им до этого никакого дела не было. Устроена же вентиляция была так:

В двух противоположных окнах было устроено по форточке, так, чтобы как раз через наши верстаки дул сквозной ветер. Это вентиляционное устройство скоро стало на заводе притчей во языцех и дало возможность нашей группе молодежи на практическом примере показать рабочим, как удовлетворяются те из требований рабочих, которые обещают выполнить, и что не останавливаются даже перед устройством форточек для сквозняка вместо вентиляции и тем самым сознательно простуживают потных рабочих.

После всех этих событий, как-то само собою явилась мысль подготовить забастовку. Центром агитации была газета, которая во время обеденного перерыва около Штыковой мастерской читалась ежедневно.

Скоро аудитория разрослась и нам пришлось выдвинуть из своих рядов чтеца, у которого глотка была пошире — этим постоянным чтецом сделался М. Константинов (Шаляпин, Божья Дудка). На мою же долю и на долю других товарищей осталось „давать пояснение о прочитанном и увязывать его с положением рабочих Оружейного завода и собирать материал о расценках и мастерах. Эти сведения и послужили материалом при составлении листовок, в которых был выставлен ряд экономических требований: о прибавке зарплаты, увольнении мастеров-взяточников, которых больше всего ненавидели рабочие“.

О подготовке к забастовке на Оружейном заводе—товарищи участники этой забастовки рассказывают таким образом:

1. Вопрос о забастовке, говорит т. М. Салтыков, обсуждался на собрании в лесу, а также на частных квартирах некоторых товарищей. Мнения товарищей о возможности остановки завода были различные. Когда ставился вопрос о забастовке принципиально, то все, без исключения, говорили о ее желательности. Когда же вопрос переносился в практическую плоскость, то тогда некоторыми товарищами высказывались сомнения по поводу успешного ее проведения в виду отсталости рабочих масс Оружейного завода.

Такие заявления слышались от представителей тех мастерских, где была сосредоточена квалифицированная рабочая сила, как, например, Инструментальная мастерская.

В конечном счете было постановлено забастоку проводить и те, кто высказывал сомнение в успешном ее проведении, обещали оказывать все свое влияние на массу в пользу забастовки.

2. Был дан клич, сообщает т. С. Дегтерев, собраться на массовку для обсуждения вопроса о забастовке. В первый день массовки, 28 июня, ни к чему не пришли. Собрались на другой день. Во вторую массовку было 500—600 человек. Большинством было решено устроить забастовку 30 июня. Руководителями забастовки были избраны: 1) Н. Веприцев, 2) И. Апасов, 3) Колесников, 4) А. Зюсьман и другие товарищи. Было выработано воззвание к рабочим Оружейного завода. Выработаны требования.

Администрация завода и местные городские власти были прекрасно осведомлены о готовящейся забастовке. Они приняли все меры, чтобы этой забастовке помешать Они следили за ходом раз-

вития забастовки, имея с этой целью в рабочей среде своих специальных агентов—провокаторов.

Небезынтересно будет почитать официальные документы о забастовке на Оружейном заводе. Один из них сообщает о мерах, принятых властями накануне забастовки *).

Тов. Демидов говорит: накануне дня предположенной забастовки, т.-е. 29 июня, инициаторы ее собрались за зареченским кладбищем. Горячие споры продолжались целую ночь, был выработан план проведения стачки. Разошлись на рассвете, уверенные в правоте и успехе задуманного дела. Хотя все отлично знали настроение большинства рабочих Оружейного завода, их отсталость и неподготовленность, но тем не менее все-таки надеялись на благополучный исход стачки.

Охранка между тем не дремала. Она, как видно, хорошо была осведомлена о намеченной забастовке:

„Июня, 29 дня на совещании под председательством и. д. губернатора В. Н. Хвостова, в составе начальника гарнизона г. Тулы полковника С. В. Камеровича, и. д. прокурора М. М. Пузыревского и начальника жандармского управления Н. В. Нестерова определили: командировать в распоряжение г. Начальника Императорского Оружейного завода две роты войск и взвод казаков с 6 часов утра 30 июня."

День забастовки рапортом полицеймейстера от 30 июня № 377 изображается в следующем виде: "Сего числа около 9 час. утра на Императорском Оружейном заводе около 30—40 человек рабочих, преимущественно молодежь Инструментальной мастерской, собравшись на внутреннем дворе завода, с криком: „ура", „бросай работать", бросились в ближайшие мастерские с требованием прекратить работу и устроить стачку, но во всех мастерских встретили отпор, вследствие чего между ними и прочими рабочими произошла драка, и зачинщики забастовки вскоре разбежались, при чем часть из них ушла в свои мастерские и стала на работы, а большая часть ушла совсем с завода. В это время несколько лиц стали разбрасывать прокламации Тульского Комитета Социал Демократической Рабочей партии, из этих лиц администрация завода задержала трех рабочих: Николая Вепринцева, Егора Ларевского и Павла Немирова и препроводила в распоряжение тульского губернского жандармского управления. После этого случая порядок на

*) Документы взяты из статьи т. Королькова „Оружейный завод в 1905 году".

заводе до конца дня более не нарушался. Веприпцев и Ларевский привлечены были ранее к дознанию по политическим преступлениям и состоят: первый под особым надзором полиции, со второго взят залог в размере 300 руб. и против третьего возбуждалось при таврическом губ. жандармском управлении дознание, но дело о нем прекращено.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству.

Полицеймейстер Воронцов».

Начальник завода того же 30 июня шлет рапорт за № 7434 в Главное Артиллерийское Управление.

"29 июня помощник начальника тульского жандармского управления сообщил мне, что 30 июня будет произведена попытка произвести забастовку на вверенном мне заводе и на частном Патронном, что по имеющимся данным большинство рабочих Императорского Оружейного завода против забастовки, но что посторонние рабочие хотят силою принудить к забастовке рабочих вверенного мне завода, кроме того, им же было добавлено, что и. д. губернатора предполагает дать в мое распоряжение воинскую команду до двух рот для охраны завода, если я против этого ничего не имею, и что окончательное решение об охране последует после совещания, назначенного и. д. губернатора в 4 часа дня; на этом заседании присутствовал и я. Решено было в 6 часов утра прислать две роты и взвод казаков, последних по моему заявлению, для охраны завода со стороны бывшего отводного русла и нефтяных баков. Впуск рабочих в завод утром 30 июня производился под наблюдением смотрителя здания и дежурного офицера. Пропускали в завод через двое ворот только тех, кто пред'являл выданные рабочим марки. По окончании впуска рабочих я вернулся на свою квартиру, но сейчас же должен был итти в завод, так как дежурный по заводу прислал сказать, что в заводе начались беспорядки, вызванные группою рабочих до 20 человек, пытавшихся остановить работу. Благодаря энергичному вмешательству благоразумных рабочих беспорядки были остановлены раньше, чем я успел дойти до завода.

Все зачинщики беспорядков, на которых мне указали сами рабочие, уволены с завода без права поступления и переданы в распоряжение полиции. Охрана завода военной силой будет продолжена несколько дней.

Начальник завода генерал-майор **Куи**.

Правитель канцелярии **Гензелович**".

Так официально рисуется картина событий на заводе 30 июня 1905 г.

Как же рисуют самую забастовку на Оружейном заводе ее участники? Обратимся к их воспоминаниям.

„Вечером 29 июня нам было известно, что полиция о забастовке осведомлена.

30 июня, идя в завод, мы увидели, что завод оцеплен казаками. В мастерских (я работал в Механической) обменялись мнениями с товарищами. Проверили наличие наших сил. В нашей мастерской были: активными товарищами Иван Апасов, Алек. Зюсьман, Пав. Немиров, С. Дегтерев; Константинов, Потапов, Галюев, Маревский, Ал. Покровский, Карятин, В. Филков, Наумов, Ив. Кубышкин. М. Саветинов и ряд других. Экономисты—Н. Соколов, Быков, Карпов, Алексеев—отказались принять участие в забастовке. Тов. Прокудин отсутствовал, так как он был занят печатанием прокламаций. В 9 часов утра ядро организации стало собираться к старой Литейной мастерской. Было некоторое колебание. Колебание продолжалось ровно час.

В 10 часов т. Веприпцев об'явил: „медлить нечего,—надо начинать!“

Тогда мы пошли давать свисток, но Паровая была оцеплена и двери заперты.

Вбежали в Механическую мастерскую с криком „бросай работать“. Посыпались остроты.

Только медники все, как один, бросили работать, в других же цехах только частично. На пути мы разбрасывали прокламации. Попутно, кому удавалось, останавливали моторы.

Когда мы прибежали в Инструментальную мастерскую, то в нас посыпались шарошки и обрезки с криками „бей забастовщиков“. Первою жертвою стал тов. Ив. Апасов. Ему проломили голову. Бросились в Револьверную. Там некоторые товарищи, которые должны были принять участие в забастовке, были изолированы, дверь оказалась запертой.

Тогда кинулись в Замочную и ряд других мастерских, но там нас ожидала та же участь.

Особенно отличилась Ложевая мастерская, где избиением руководил мастер Жилин. Я и некоторые товарищи бросились в Ствольную, но так как там тоже были заперты двери, как и в Револьверной, то мы стали кидать прокламации.

В это время раздался крик: „Веприпцева и Павла Немирова арестовали!“.

Появился шпик, который хотел задержать нас.

Тогда т. Покровский мне говорит: „Я подставлю ногу, а ты налетай на шпика. Если мы сшибем его, то спасемся от ареста". Так я и поступил. Сшибли его с лестницы, а сами бросились бежать, раскидывая на пути прокламации, и тем самым спаслись от ареста. В мастерской наш монтер Тим. Баташев, на запрос жандарма: „почему в мастерской не весь народ на месте", ответил, что он послал рабочих на ремонт. Так забастовка была проиграна.

Были арестованы 4 товарища: Вепринцев и Токарев (Штыковая), Пав. Немиров и Маревский (Механическая).

Из других мастерских приняли активное участие в забастовке Н. Кушников, Егор Кушников, Н. Медовщиков, П. Орехов, Салтыков, Машков, Шарпков, Гнидин, Попов, Тихомиров и Косов*).

* *

Мы уже говорили, что в конце июня предполагалась в Туле всеобщая забастовка, а не на одном только Оружейном заводе.

Это подтверждают документы губерн. жандарм. управления и некоторые товарищи в своих воспоминаниях.

Кроме того, в июне была выпущена Тул. Ком. РСДРП прокламация, адресованная специально патронникам (это помимо тех прокламаций, которые были выпущены в связи с забастовкой на Оружейном заводе**).

Прокламация к патронникам, начинающаяся словами „полгода прошло с тех пор"***), заканчивается лозунгами:

— „Да здравствует стачка на Патронном заводе".

— „Да здравствует всеобщая забастовка"!

Но сделал-ли Патронный завод попытку провести стачку в июне, вместе с Оружейным заводом, или нет?

На этот счет точных данных не имеется. Надо полагать, что Патронный завод запоздал, он не сумел устроить забастовку одновременно с Оружейным, вероятно, по обстоятельствам организационного характера.

Теперь перейдем к тем причинам, которые не позволили развернуть всеобщую стачку в Туле в июне 1905 г.

О некоторых основных причинах неудачи забастовки на Оружейном заводе, вытекающих из бытовых особенностей оружейника,

---

*) Из воспоминаний С. Дегтерева.

**) Эти прокламации приложены в конце брошюры (приложения № 1, 2 и 3).

***) См. приложение № 4.

мы уже говорили, теперь-же надо коснуться других причин. Коротко их можно формулировать так: июньская всеобщая забастовка в Туле не была нужным образом подготовлена. С об'явлением стачки поспешили. Рабочая масса не была вполне осведомлена о стачке. Чувствовался недостаток в литературе (в прокламациях). Но, несмотря на то, что на Оружейном заводе забастовка не удалась, все же результаты ее были огромные. В психологии оружейников была проложена новая борозда, оружейник наглядно столкнулся с классовой борьбой. Он невольно извлек из нее полезные для себя уроки, которые ему пригодились несколько лет спустя, когда, наконец, Оружейный завод ринулся на борьбу всей многотысячной людской лавиной (забастовка в феврале 1917 г.).

*
* *

В начале июля стал волноваться Патронный завод. Сигнал к волнениям подало топочное отделение Латунного завода.

„В Топочной мастерской стояли самые низкие потогонные расценки. На многие работы расценок не было совсем, и мастер платил за них, сколько вздумается. Если же на некоторые работы существовали расценки, и они казались мастеру высокими, то он проводил их скрытно, чтобы заплатить за работу дешевле. Мы до самого последнего времени работали, не имея учетных книжек. Мы тогда не знали, за что работали, и поэтому довольно часто обкрадывались администрацией завода *)“.

Забастовку начали 7-го июля литейщики. На другой день, 8-го июля, к забастовке литейщиков присоединились рабочие других цехов.

„8 июля в г. Туле утренняя смена рабочих Латунного завода, до 400 человек, прекратила работу и пред'явила к администрации завода требования о сокращении рабочего времени, об увеличении расценков и о некоторых других улучшениях внутреннего распорядка. Требования эти были изложены в разбросанных литографированных листках. Администрация завода удовлетворила лишь некоторые незначительные требования; тем не менее, после 2-х часов дня, все забастовавшие вновь встали на работу. Латунный завод, имеющий всего около 800 рабочих, составляет часть заводов Бельгийского Анонимного Акционерного Общества Тульск. меднопрокат. и патрон. заводов и находится на окраине города вблизи прочих

*) Из воспоминаний т. Марко.

заводов общества, имеющих вместе с Латунным заводом сокращенное название „Патронного завода“.

Забастовка Латунного завода началась и сразу же прервалась, очевидно, в связи с общим движением среди рабочих Патронного завода.

Администрация завода некоторые самые незначительные требования литейщиков удовлетворила. Полный ответ на требование забастовавших рабочих она обещала дать 13 июля после 2-х часов дня.

Все это она сделала для того, чтобы заставить рабочих возобновить работу, чего она и добилась, и в то же время, чтобы выждать время и подготовиться к возможности новой забастовки, которая грозила вспыхнуть уже в общезаводском масштабе.

В Тулу секретным порядком были вызваны казаки, которые находились в те дни в Веневе.

Тульским губернатором было сделано распоряжение 10 июля 1905 г. „о невыводе за пределы Тулы Коротоякского полка по случаю забастовки на Патронном заводе и ввиду возможного вызова полка для охраны имущества и предотвращения насилий“.

Но сознательные рабочие раскусили администрацию: не дождавшись срока, назначенного администрацией для ответа, они приступили к решительным действиям.

Всеобщая забастовка на Патронном заводе была об‘явлена.

Официальная история этой забастовки такова: „11 июля между $7^1/_2$ и 9 часами утра прекратили работу все мастерские Патронного завода, и рабочие, которых на Патронном заводе числится 6200 человек, ничем не нарушая порядка, вышли на луг перед заводами на общую сходку.

В 2 часа дня была назначена новая сходка, на которой были выбраны депутаты от рабочих для переговоров с заводской администрацией, и до 7 часов вечера происходили эти переговоры, при чем требования рабочих были значительно менее изложенных в листках.

Было потребовано:

Удалить некоторых мастеров, помощников их и установщиков, всего—10 человек.

Ввести 8-ми часовой рабочий день, а в плавильно-литейном 6-ти часовой.

Повысить заработную плату как по расценкам, так и поденную, при чем определить ее: становщикам 1 р. 65 к., в Механи-

ческой мастерской — 2 руб. в день; женщинам увеличить ее на 100 проц., в Литейной мастерской по 1 коп. с пуда плавленой меди.

Пособия больным выдавать не в половинном, а в полном размере суточного заработка.

Построить квартиры для холостых рабочих.

Открыть двухклассную школу с програмой городских училищ.

Назначить третейский суд для рассмотрения недоразумений между рабочими и администрацией.

На все эти ходатайства администрация ответила решительным отказом, пообещав расследовать жалобы рабочих на взяточничество и оскорбительное обхождение мастеров и браковщиков.

Следующие же ходатайства рабочих были признаны подлежащими удовлетворению:

Приглашение женщины врача.

Расширение больницы.

Увеличение света в Механической мастерской.

Увеличение платы рабочим красно-медно-литейного цеха с 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к.

Определение платы старшим рабочим за время, уходящее на обучение новичков.

Выдача расчетных книжек на руки рабочим, тогда как до настоящего времени книжки по месяцу оставались в конторах, и рабочие были лишены возможности своевременно проводить записи поштучной платы.

Увеличение количества вешалок для платья и рукомойников.

Выдача очков литейщикам.

Увеличение количества некоторых инструментов.

12 июля забастовка продолжала сохранять мирное настроение.

Администрацией завода по настоянию старшего фабричного инспектора Тетеро, но без ведома управляющего губернией, вывешено об'явление, предупреждающее рабочих, что 25 июля завод будет закрыт и все рабочие будут уволены. Те же, которые в течение трех дней, считая и 11-ое — не станут на работу, те не получат и двухнедельной платы.

Вечером, 12 июля, управляющим губернией созвано было частное совещание, на котором выяснилось, что администрация Патронного завода не заинтересована путем уступок вернуть завод к мирному течению работы и склонна осуществить вывешенное ею об'явление о расчете всех рабочих, имея в виду, таким образом, набрать новый состав рабочих, наиболее соответствующих требованиям администрации.

На том же совещании зав. агентурой Тул. губ. жандарм. упр. подполковник Милюков, между прочим, сообщил, что им получены негласным путем сведения, что утром 13 июля со ст. Присады С.-В. ж. д. будет доставлено в Тулу 800 револьверов и что рабочие, для распределения этого оружия между собой, ночью же сойдутся в местности Баташевский сад под Тулой. В предупреждение этого начальником жандарм. управления и полицеймейстером приняты меры надзора над Баташевским садом и учрежден контроль груза, прибывающего из Присад.

Из об'яснений бывшего на том же совещании инженера М. М. Неждапова, между прочим, выясшлось, что и ему еще утром был известен слух о высланных откуда-то через ст. Присады 800 револьверов, и он тогда же сообщил об этом по телефону общей и жандармской полиции, но значения этому слуху не придал, так как узнал, что исходит он от двух заводских работниц, будто бы слышавших об этом в толпе, неизвестно от кого *).

13 июля Патронный завод возобновил работы, что со стороны рабочих Патронного завода может быть об'яснено с одинаковой вероятностью и желанием большинства их действительно прекратить забастовку и намерением агитирующего меньшинства прервать трехдневный срок, чтобы не лишить прочих товарищей двухнедельного „отстойного“ заработка **).

* *
*

Некоторые товарищи описали июльскую забастовку на Патронном заводе в своих воспоминаниях.

У Фролова, в его книге „Пробуждение“ мы читаем:

„Когда мы прибежали к заводу, на большой поляне, между рекой и заводом точно ярмарка была: торговки с семячками, пирожники, колбасники, квасники,— возы проезжие остановились, из местных деревень крестьяне с базара торчали. Еще по дороге заметно было, что происходит нечто незаурядное. По дорогам шли рабочие, оживленно беседуя, туда, сюда шли, как солдаты при фронте. На поляне—море голов. Бочка по середине толпы, на бочке оратор. Невиданное зрелище. Ведь до этого говорили на площадях только Минины да Пожарские, в глубокой давности, а тут вдруг

---

*) Действительно ли предполагалось в те дни получение оружия из Присад,—точных данных нет.

**) Из дела о забастовке Патронного завода в июле 1905 г. (Из архива прокурора Тульского Окружного суда).

рабочие заговорили — и не в лесу, не в балке, не темной ночью, как добры молодцы, а прямо на глазах у всех, белым днем, ничего не боясь.

Вот он, наш кормилец,— показывая рукой на завод, сказал Петр Афанасьев, работавший в это время на Прокатном

А мы в ответ: кормилец тех, кому принадлежит. Львиная доля благ жизни достается им, нам только работа да малый кусок хлеба. Мы требуем немного. В числе требований, между прочим, был стакан молока в день для литейщиков.

— Правильно, верно,—подтверждала толпа.

Один оратор сменял другого. И только блузы, только блузы. Ни одного интеллигента, а они все тут были. Только рабочие — передовики советовали им:—Подождите. Забастовка первая. Забастовка экономическая. Рабочие своим верят, свой рабочий язык понимают—простой, прямой и резкий. Как птицу, боялись стачку спугнуть языком и видом интеллигента. Я был для них свой, меня уже знали, меня не раз слышал завод в лесу. Когда прибежал, свои окружили. Молодежь все, задорная, огневая. Загорелся, как и они. Слезы на глазах блеснули. Встаем, думаю. Пробуждаемся. На бочку влез. Выше всех головой стал. Слышу фамилию называют. Шепчутся, молодые и старые глаза впиваются в меня. Я чужой, но рабочий Кронциркуль и фут из кармана глядят: захватил, а фуражку в заводе оставил. Волосы ветер раздувает. Нежные волосы, молодые,—как руками девица, играет ими ветер.

Заговорил, чтобы всем было слышно. Заговорил не словами, а чувством, каждую мысль с кровью отрывал и бросал в толпу. Я ее не видел. Я жизнь рабочих видел, жизнь богачей, жизнь царей. Я рисовал ее перед рабочими и спрашивал: „От кого вам ждать защиты, от них, или от себя. В одиночку нам итти, или вместе. Бояться, или бороться. Победим, или умрем. Победим, ибо нас много. Мы—творцы. Все создано нами и должно принадлежать только нам".

Правильно,—кричала толпа. И в награду швыряла, как артисту на сцене, не цветы, не золото, а что дороже всего на свете:

— Это наш, рабочий.

Спускались сумерки. Тянуло холодком из леса и запахом убранного сена. Совсем близко скрипел дергач.

— Что-ж, начинать надо,—твердили рабочие, расходясь по домам. Что правильно, то правильно. Плоха наша жизнь. Работаешь, не видишь, а вот как ее тебе выворотят на ладонь, покажут—и са-

мому чудно, как это терпел ты до сих пор. А богачам, что-ж? Мы молчим,—им на руку.

— Пришло, видно. Оно все так-то, до поры, до времени. А потом свое возьмет. Всех не уволят. Говорят, администрация уже вызывала наших для переговоров. Дают что то, наши не уступают. Вот только насчет молока это напрасно. Все равно пить не будут. Молоком ржавчину от души не отдерешь, а вот водки-бы по стакану, это—сподручней.

— Нельзя,—говорят, не пьют забастовщики-то. Говорили уж.

— Ваня, ты бы тоже на бочку стал,—послышался голос молодой девушки, шедшей рядом с молодым рабочим.

— Дыра велика, боюсь провалишься.

— Эй вы, молочники!—кричали шутники патронники друг другу.

— Чего орешь, дурак,—одергивали серьезные. Али в бочку захотел. Сдрефил.

Кто-то запел песню: на Патронном гудок воет, а мой милый штаны моет.

С озабоченными лицами возвращались те, кто взял на себя руководство стачкой. Она только началась. Под‘ем был большой, но стачка для всех была новым делом. Администрация, в лице директора завода Коха, сразу на уступки не пошла. Сказала—завод закроет.

С Петербургом администрация была связана, там тоже заводы закрывали. Закроют недели на две, потом снова рабочих набирают, кого не угодно, не берут“.

О подготовке к забастовке на Патронном и о ее ликвидации рассказывает т. Марко.

«Мы вырабатывали совместно с представителями от мастерских завода ряд требований и придали им жизненный характер. Мы долго собирали сведения о всяком недовольстве рабочих. Перед забастовкой было собрание представителей от мастерских—большинство высказалось за забастовку.

. . . .

В день забастовки по приказу помощника директора Нежданова был пущен гудок для призыва рабочих на работу. Многие рабочие пошли на работу, нам пришлось их задерживать: где уговором, а где силой. Для этой цели мы заняли все ходы и выходы. Ночью для охраны завода была прислана рота солдат, занявшая все проходы.

На другой день по гудку большинство рабочих, в особенности женщины, пошли на работу, не слушая наших уговоров, и под охраной солдат приступили к работе. Другая часть рабочих, с нами во главе, в этот день к работе не приступила. Мы устроили перед заводом митинг, продолжавшийся весь день. На этом митинге мы решили продолжать забастовку. Я хорошо помню, как во время речи одного товарища, стоявшего на кадушке, один солдат просил офицера разрешить ему при помощи пули снять с кадушки говорившего забастовщика, но офицер ему этого сделать не разрешил.

В этот же день была закрыта лавка при Патронном заводе, ввиду чего все рабочие, бравшие в лавке товар по книжке и не имевшие денег, остались без хлеба.

Эта мера сильно подействовала на всех не приступивших к работе товарищей.

На третий день все рабочие поголовно, за исключением нас, пошли на работу.

В это утро шел холодный проливной дождь. Я, промокший и прозябший до костей, пытался было останавливать идущих на работу рабочих, но солдаты, охранявшие завод и рабочих, идущих на работы, заявили мне, что если я не перестану смущать «народ», то они приколят меня на месте.

Повинуясь силе, я должен был уйти. Тогда, помню, мной овладело страшное отчаяние—у меня было желание застрелиться».

Более четко и подробно отвратительную роль в забастовке помощника директора Нежданова обрисовывает т. Рожков:

«Забастовка была сорвана провокатором—директором завода Неждановым, который несознательных рабочих подпаивал вином и платил лишних 50 коп. и более к заработку, смотря по квалификации, тем рабочим, которые в задах завода перелезали через забор и шли работать. Остальные рабочие, видя, что завод работает, стали требовать прекращения стачки, и стачка была сорвана».

Небольшая заметка об июльской забастовке рабочих в Туле была помещена в центр. органе нашей партии „Пролетарий“ (№ 14 за 1905 г.):

„Сегодня (13 июля) забастовал Патронный завод. Надеются, что к нему примкнет завод Марковых и Байцуровский. На Оружейном заводе стачка не удалась. Всюду кишат казаки и солдаты. Рассказывают, что сегодня на Патронный завод промаршировал взвод солдат с офицером во главе. Офицер скомандовал отдать честь рабочим и попросил рабочих не трогать его солдат, а солдатам велел не трогать рабочих,—пусть, мол, делают свое дело.

Приезжал пристав и просил оратора убедить рабочих не производить беспорядков, а „говорить, о чем хотите, дескать, говорите“...

Вокруг чувствуется жизнь“...

* * *

Забастовка на Патронном заводе не прошла мимо других фабрик и заводов.

12 июля забастовали рабочие заводов Байцуровского, „Тульские мастерские“ и Маркова.

Официальные источники дают такую картину забастовки на этих заводах

12 июля в 5 час. дня к Байцуровскому заводу (всего рабочих 500 человек) подошли до 50 патронников и потребовали прекращения работ. С рабочими Байцуровского завода патронники вели переговоры через тов. Деева. Машины были остановлены силой. Скоро подошла еще группа патронников. Рабочие Байцуровского завода вышли за ворота. Начался митинг (на Паромной ул.) Ораторы говорили на бочке, поставленной вверх дном. Выступали три оратора. Кто выступал—установить не удалось. Прибывшей полицией митинг был рассеян. На другой день байцуровцы приступили к работам.

У завода Маркова (200 рабочих) в тот же день и час собралась толпа патронников с целью остановить завод. Во главе патронников находился рабочий Герасим Адрианович Соболев.

Рабочие Маркова вышли на улицу, соединившись с патронниками.

На другой день забастовка была прекращена.

Помимо указанных предприятий бастовали и более мелкие фабрики, как-то фабрика Тильманса, Зябрева и другие (из воспоминаний тов. Валикова).

Бастовали самоварщики.

Об их забастовке рассказывает А. Фролов:

„В то время Ефим Баташев *) пришел на фабрику к своему отцу и спокойно сказал рабочим:—Ребята, патронники хорошо зарабатывают и то недовольны, потребовали прибавки и забастовали А вы что же? Разве вам хорошо? Бросай работу и пойдем по фабрикам снимать остальных.

---

*) Ефим Баташев, находившийся в революционных рядах, был сыном самоварного фабриканта.

И все, как один, вышли на улицу. Их не агитировали, не пропагандировали, им просто предложили бросить работу, а они сами, выкатившись на улицу, бросились по соседним кустарям и всех заставили побросать работу.

Тихая, обычно, улица забурлила, словно пожар начался. Изо всех уголков и закоулков повылазели бабы, ребятишки, старики. Лавочники мелких лавченок выскочили на улицу вместе с покупателями.

— Самоварщики забунтовали!—понеслось по улице.

— Эй, вы, дяди черные, бастуйте!—кричали ребятишки, гоняясь друг за другом.

— Дяденька, а дяденька, иди сюда, тут работают, — показывали они.

Приплясывая и смеясь, тащили откуда то старого-престарого рабочего.

— В работе застали,—рапортовали они Ефиму Баташеву, руководившему стачкой.— Бустуй,—говорим,—а он—креститься. Вот вывели.

Старик испуганно ворочал глазами и никак не мог понять, в чем дело.

— Что, Бойцов, бунтуешь тоже?—спросил у него один из рабочих.

— Господи, спаси и помилуй,—зашептал он.— Значит, приказано.

— Это все Камаехи дело,—тараторили бабы, намекая на мамашу.

— А что, худо что-ли?—говорили лавочники.— Давно пора. Вишь они, фабриканты-то, рысаков завели, а рабочему двух рублей заплатить мне нечем. Это порядок что-ли?

— Известно дело, смута пошла.

— Товарищи!—крикнул Ефим.— Надо королевских снять, а там шемаринских...

— Верно, верно. Бастовать, так всем.

Толпою человек в двести двинулись к фабрике „Короля“. Решено было послать делегатов в контору, чтобы они распорядились освободить рабочих. Послали меня, как работавшего там. Даже не возразила контора. Я бросился в мастерскую, где когда-то работал. Там уже все знали. Меня увидал Романцев.

— Александр Сергев,—это ты?!—обрадовался он, кидаясь ко мне.—Молодец, брат, ей богу, молодец. Стой за нас. Эй, вы, бараны,—крикнул он на всю мастерскую,—бросай разом!

Ни капли радости на старческих лицах, словно тяжелую обязанность исполняли они, оставляя работу и мастерскую. Шли, виновато опустив голову. И потому, что не было в их лицах радости, рабочие на улице встретили их насмешками. Только Романцев примкнул к пришедшим, остальные разошлись по домам.

Весть о том, что поднялись самоварщики, распространилась быстрее, чем мы шли. Фабриканты пустили слух, что забастовщики бьют рабочих, и сами поспешили распустить их, дабы они не соединились с нами. Рабочие многих кустарей перепугались и тут же у фабриканта попрятались, кто на чердак, кто в бочку, кто куда мог.

Приходят забастовщики на фабрику,—в мастерских ни души.

Спрашивают у хозяина:—где рабочие?

Где же им быть больше: на забастовке.

Начинаем осматривать фабрику, глядишь, человек шесть-семь вытаскиваем. Иной весь в соломе вылезает,—на сеновал спрятался. Смех, крик, а он, бедный, не знает, куда от стыда глаза девать.

— Ты что же это, голубчик,—говорят ему,—от своих прячешься. Хозяйскую руку держишь?

— Да что-ж. Нешто я супротив своих. Сказано—прячься, ну, мы и спрятались. А я—куда прикажете.

Толпа росла. Ефим Баташев предложил спокойно разойтись по домам, а на утро вновь собраться и пред'явить фабрикантам одинаковые требования: прибавки жалованья, уплаты за дни стачки и восьмичасовой рабочий день. Все согласились».

* *
*

13 июля Патронный завод и другие забастовавшие предприятия возобновили работу, но, если верить документам жандарм. управления, то мысль о всеобщей забастовке в Туле не оставляла сознательных рабочих

«По агентурным данным, около 1000 рабочих вооружены револьверами и ножами. Вооруженные рабочие составляют главный кадр забастовщиков, которые не оставили мысли терроризовать мирных рабочих и заставить их принять участие в общей забастовке рабочих Тулы. *)

Вооруженные забастовщики ждут удачного момента проникнуть на Оружейный завод и террором и насильственными мерами заста-

*) Зачинщиками забастовки на Патронном жандармское управление считает Эриксона и Ростовцева (последний на заводе не работал).

вить забастовать. Если это удастся, то это будет сигналом к общей забастовке. Самым опасным элементом надо считать рабочих ж.-д. мастерских 3,000 человек, так как они преимущественно пришлые с юга.

Железнодорожники с нетерпением следят за развитием забастовки и ждут удобного момента, чтобы примкнуть к ней".

В другом месте в документах жандарм. управления мы читаем:

„27 июля в Щегловском лесу была небольшая сходка рабочих, где собравшиеся рабочие решили при получении окончательного расчета 30 июля потребовать от администрации завода уплаты им по поденному расчету за время с 25-го по 30 июля; в случае же отказа администрации они намерены прибегнуть к насилию и бесчинствам».

И еще в другом месте:

„День 30 июля (день окончательного расчета на Патронном заводе) прошел благополучно, хотя с утра некоторые лица, повидимому, агитаторы, старались вокруг себя собрать толпы рабочих, но попытки эти были пресекаемы и никаких речей произнесено не было".

Всего на Патронном заводе было уволено 6130 человек и вновь принято 5962 чел. Таким образом, за бортом было оставлено 200 рабочих, наиболее сознательных и революционных.

Завод начал функционировать 2 августа.

Забастовка была окончательно проиграна.

Долго потом даже сами рабочие, из более несознательных, потешались над «забастовщиками».

В Чулкове даже была сложена песенка по поводу того, что в одном из первоначальных требований во время забастовки выставлялось требование о выдаче молока литейщикам:

«Как патронные ребята
Захотели молока:
Они сели под корову,
А попали под быка».

*
* *

Июльская забастовочная волна в Туле в общем захватила не меньшее количество рабочих, чем в январе 1905 года.

В общем в июльские дни 1905 г. в Туле бастовало не менее 10000 человек. Длительность июльской забастовочной волны в Туле была равна месяцу.

Целый месяц в Туле было напряженное, революционное настроение.

Из документов секретного стола губернатора мы можем увидеть, что в течение месяца ни один солдат не был выведен из Тулы (это запрещалось делать) и, наоборот, казачьи сотни, расположенные в уездах, концентрировались на всякий случай в Туле.

Теперь коснемся причин неудачи июльских забастовок.

На первом месте надо поставить причину чисто организационного характера. Мы видели, что начал забастовку Оружейный завод, но одновременно с ним другие предприятия не забастовали.

Забастовка на Оружейном заводе была схвачена за горло и задушена при первых ее криках.

Когда была разгромлена забастовка на Оружейном, то забастовал Патронный завод, более серьезно, более организованно, но опять без поддержки рабочих других предприятий. Забастовки на заводах Байцуровском и Маркова носили случайный характер; точно также кустарно протекали стачки на отдельных забастовавших тогда предприятиях.

Главным недостатком всех забастовок в июле было то, что не было согласованного общего выступления рабочих, а были разрозненные попытки вызвать всеобщую забастовку.

Второй основной причиной, не давшей победить тульским рабочим в июле 1905 г., является борьба с социал-демократами (большевиками) местных эс-эров *). Местные эс-эры в подготовке забастовки не участвовали. Только на другой день забастовки на Патронном заводе, 12 июля, они выпустили прокламацию, куда напустили так много политического туману, что безусловно могли сбить с толку рядового рабочего**).

Поменьше надо было говорить о социализме, а побольше о том, чем тогда больше всего болел рабочий

Надо было применить гибкую тактику, чего эс-эры не могли сделать.

Надо полагать, что они значительно повредили нашим товарищам в те дни своими неуместными политическими выступлениями.

Возмутительна вторая прокламация эс-эров, выпущенная 13 июля, когда забастовка на Патронном только что окончилась, но когда не была потеряна надежда ее снова возобновить***).

---

*) См. прокламацию в конце брошюры (приложение № 11).

**) В документе жанд. управлен. так и сказано: „окончанию забастовки способствовал раскол, происшедший между членами Тульск. С.-Д. орг. и С.-Р.

***) См. приложение № 12.

В этой прокламации эс-эры говорят о том, что забастовку провалили с.-д., и только потому, что не пригласили к себе эсэров, которые единственно могут бороться с самодержавием и которые могут противопоставлять силе войска *свою вооружнную силу.*

Какое жалкое хвастовство! Шапками, мол, закидаем.

Какое нечуткое отношение к политическому моменту, требобовавшему об'единения всех рабочих сил, а не поливания помоев на голову другой партии.

Кому, как не врагам рабочего класса, было выгодно, чтобы социал-демократы, выносившие тогда всю тяжесть полицейских репрессий, были очернены в глазах рабочих!

Эс-эры, нападая на с.-д., хотели подработать на забастовке, чтобы поднять свой карликовый авторитет.

Этого им не удалось сделать, и в том же 1905 году, осенью, рабочие, в своей массе шли за с-.д. (большевиками), а не за эс-эрами.

Третьей основной причиной неудачи июльских забастовок, о чем мы уже говорили, надо считать подготовленность, опытность администрации заводов, решительность их действий, их провокацию (роль Неждапова) и кроме того, что вследствие окончания войны не так был важна бесперебойная работа военных заводов и администрация ничего не имела против их временной остановки.

Администрация использовала выгодное для нее положение и принудила рабочих покориться, лечь на обе лопатки (история с закрытием заводской лавки).

Рабочие еще могли бы победить в июле, если бы выступили на всех заводах одновременно и дружно.

Но и без победы, и даже при поражении рабочие тогда все таки победили.

Забастовка не дала рабочим материальных улучшений, она не раздвинула их политических прав, но она закалила рабочую массу, она была тем горнилом, в котором должен был затвердеть рабочий класс, чтобы быть, как сталь, чтобы окончательно победить, и в этом несомненная победа, которую, несмотря ни на что, одержали тульские рабочие в июльские дни 1905 года.

Приложения.

Приложение № 1.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Оружейного завода.

Бросайте работу, товарищи! Время настало. Довольно терпеть и молчать. Пробил час, когда мы должны заговорить, заговорить громко и властно, как говорят люди, стоящие за правое дело и чувствующие за собою силу, силу единения, силу дружного напора. Слишком долго молча переносили мы гнет и оскорбления нашей администрации. Настало время, когда мы должны постоять за свои требования.

Бросим работу, выберем депутатов, и сами дружною и упорною забастовкой до конца будем стоять за свои требования. В борьбе мы завоюем себе лучшую жизнь, в борьбе — наша сила.

Долой ненавистных начальников и браковщиков!

Долой гнет и оскорбления!

Да здравствует стачка!

Издание Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Июнь, 1905-й год.

Приложение № 2.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Требования, составленные рабочими Оружейного завода.

Товарищи! Долго мы находились в угнетении у своего начальства, долго мы голодали и недосыпали ночей, долго мы переносили оскорбления и издевательства, долго мы надеялись на милость начальства и в то время, как, рабочие всей России, а у нас в Туле—на Патронном заводе, бросили работу и громко заявили о своих нуждах,—мы попрежнему молчали и ждали, что на-

чальство улучшит наше положение и, конечно, ничего не получили. Пора и нам проснуться, заговорить о своих нуждах и заставить путем забастовки удовлетворить их. Вот, товарищи, наши требования, которые мы выработали сообща и которые мы пред‘явим начальству:

1) Прибавка расценков на 50%.

2) Поденная плата—не менее 1 р. 50 к.

3) Полная поденная плата, если работа не состоялась по вине администрации завода и если задельной работы не хватает на сумму поденной.

4) Месячная плата во всех мастерских — не менее 40 руб., включая смазчиков и комиссию.

5) Плата ученикам 80 к. в день,—сторожам 30 р. в месяц.

6) Выдача заработной платы за все время болезни.

7) Полная заработная плата за время стачки.

8) Учреждение расценочной комиссии из выборных рабочих и администрации поровну.

9) Отмена всяких денежных вычетов из заработной платы, производимых без согласия рабочих (штрафы, браковка, за потерю вещей и прочее).

10) Возвращение штрафных денег рабочим, с которых они были вычтены; штрафные деньги неработающих на заводе в настоящее время обратить на библиотеку и другие просветительные цели под контролем рабочих.

11) Учреждение контроля из выборных рабочих над всякими сборами с них.

12) Восьмичасовой рабочий день.

13) Окончание работ в предпраздничные дни в 2 часа дня. Вообще работа накануне праздников не должна превышать 6-ти часов.

14) Полная отмена сверхурочных работ.

15) Нанять рабочих в достаточном количестве специально для хождения в магазин за материалами.

16) Выдача инструментов без задержек.

17) Назначение специальных установщиков.

18) Учреждение постоянных выборных комиссий из рабочих и администрации для установления правил внутреннего распорядка и разрешения всех недоразумений между рабочими и администрацией.

19) Отмена обысков, унижающих достоинство рабочих.

20) Участие выборных рабочих в ссудо-сберегательной кассе и контроль над нею.

21) Вежливое обращение администрации с рабочими. Обязательно говорить „*вы*", а не „*ты*".

22) Улучшение гигиенических условий—(вентиляция, нормальная температура, вешалки для платья и т. п.).

23) Устроить более широкие проходы между станками, шестерни закрыть щитами.

24) Осмотр завода в санитарном отношении в виду приближающейся холеры комиссией из земских врачей при участии рабочих.

25) Улучшение медицинской помощи: 1) обязательное и безплатное посещение больных заводским доктором на дому. 2) Расширение аптеки. 3) Покупка лекарств в частных аптеках за счет завода в случае отсутствия их в заводской аптеке. 4) Устройство отдельных приемных комнат для мужчин и женщин. 5) Более внимательное отношение врачей к больным. 6) Увольнение доктора Нарбекова

27) Пенсии потерявшим трудоспособность вследствие слабости, болезни, старости—в размере $^2/_3$ заработка.

28) Бесплатное первоначальное обучение детей рабочих.

29) Устройство вечерних курсов и воскресных школ по расширенной программе.

30) Расширение библиотеки книгами (главным образом по рабочему и экономическим вопросам) и бесплатное пользование библиотекой.

31) Подчинить завод надзору фабричной инспекции.

32) Празднование 1-го мая.

33) Отмена табельных дней.

34) Право свободно собираться и обсуждать свои нужды.

35) Право свободно устраивать союзы для отстаивания интересов рабочих.

36) Неприкосновенность депутатов и ненаказуемость за участие в стачке; в противном случае рабочие отвечают круговой порукой.

Таковы, товарищи, наши требования, за которые мы будем стоять во что бы то ни стало. Будем же собираться по мастерским и всем заводом и обсуждать эти требования—а затем по призыву Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей

Партии бросим, как один человек, работу и таким образом присоединим свой голос к общей борьбе рабочих всей России.

Да здравствует стачка на Тульском Оружейном заводе!

Да здравствует всеобщая стачка!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Издание Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Июнь 1905 год.

Приложение № 3.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Оружейного завода.

Товарищи! Каждому из нас наверно уже известно, что теперь рабочий борется по всей России. В любой газете, почти в каждом номере мы находим известие о забастовке в том или другом городе. Что такое забастовка и почему рабочие так часто прибегают к ней? Забастовка или отказ всех рабочих завода от работы — есть способ борьбы рабочих с капиталистами — хозяевами, — это наилучшее и единственное у нас средство борьбы за улучшение своей жизни; этим только способом рабочие, нанеся остановкою работы убытки хозяину, могут заставить его удовлетворить свои требования. И разве неправы наши товарищи-рабочие всей России, — когда они не просить являются к своему хозяину или начальству, а требовать, и оставляют работу, пока их требования не исполняются? Подумайте и поймите, товарищи! Десятки лет из нас выжимают последние соки, последнюю копейку берут с нас и сколачивают миллионы, устраивают пиры и палаты. Мы же тратим последние силы свои, мы не обеспечены, не уверены, что всегда у нас будет работа; — работает сегодня завод полным ходом — есть работа; — завтра сократят производство, и нас без сожаления выбрасывают на улицу „за ненадобностью“.

Наши дети растут в холоде, голоде, темноте, и с самых малых лет не видят ничего, кроме нищеты, надругательства и оскорблений. И нас и наших детей приучают к терпению и делают нас из людей бессловесным скотом.

Но мы, рабочие, такие же люди, как положим, те полковники, генералы и прочие чиновники, которые составляют наше начальство. Мы желаем жить по-человечески. — Это наше право,—и мы защищаем его. Добром мы ничего не получим от нашего правительства. Мы должны бороться,— мы должны устраивать стачки. И никто не посмеет за это назвать нас преступниками. Но не так думают некоторые из наших товарищей на Оружейном заводе. Они полагают, что начальство лучше о них заботится, чем они сами о себе, что с начальством нужно жить в ладу и кланяться ему в пояс за каждый лишний грош, выброшенный рабочему в виде подачки. Но в чем же обнаруживаются заботы начальства о рабочем? Не в том ли, товарищи, что оно установило низшие расценки, на которые едва можно прожить? Не в том-ли, что оно буквально грабило кассы, устроенные на последние гроши рабочих? Или может быть в том, что начальство обращалось с нами хуже, чем со скотом? Или в том, что назначило нам мастеров и браковщиков,—людей почти сплошь шпионов или взяточников?

Мы не рабы, товарищи. Только рабы покорно сносят издевательства своего господина. Пора, давно пора сказать—*довольно*.

Большая часть из нас желала забастовки. Она не удалась вследствие недостатка единения и солидарности между нами. Это хороший урок для нас, товарищи. Мы воочию увидали, как заботится о нас начальство. Нас не пожелали выслушать. Дрожа за свою шкуру, генерал Кун прежде всего пригласил солдат и казаков, готовых по первому знаку стрелять в безоружных рабочих, как будто рабочие собирались устроить не мирную забастовку, а погром всего завода: как-будто рабочие—бунтари и разбойники, собравшиеся грабить и убивать.

Так начальство смотрит на рабочего. Благодетель рабочих генерал Кун, который только тогда чувствует себя спокойно, когда имеет за собой штыки и нагайки,—в своем об'явлении говорит, что войска призваны для защиты „благонамеренных рабочих“ от насилия забастовщиков. Но кто же, товарищи, в конце концов, совершил действительно насилие, как не тот же благодетель генерал. Он позволил черной сотне, быть может им самим организованной, беспрепятственно избивать забастовщиков; он уволил и до сих пор увольняет наших товарищей, неудобных администрации. Это-ли не насилие? Так начальство заботится о рабочих, так стремится оно из рабочего сделать всецовольную скотину,— начальство приглашает нас теперь выбрать депутатов из каждой мастерской для выяснения нашего положения. Можем ли мы после всего происшед-

шего с доверием отнестись к этому новому шагу нашей попечительной администрации? Нет и нет.

Товарищи! Этой депутацией начальство воспользуется, чтобы лучше обмануть нас, в депутаты не попадут люди, хоть и избранные нами, но неугодные начальству. Посредством своих шпионов оно вылавливает теперь и увольняет наиболее сознательных рабочих, пользующихся влиянием среди товарищей и могущих попасть в депутаты. Значит, в депутаты пройдут „благонамеренные рабочие“ и старики, загнанные и забитые 20—30-ти летней тяжелой работой. Что они могут сказать начальству, перед которым и слова свободного вымолвить не смеют? Пропоют они с начальством „боже, царя храни“, согласятся с начальством, что рабочему живется прекрасно,— и все пойдет по старому. Так начальство устраивает свои делишки! Товарищи, отказывайтесь от выбора депутатов, пока не примут обратно всех уволенных за последнее время. Выставляйте же справедливые требования, которые мы уже выставили. Мы настоим на их удовлетворении. Мы будем бороться и добьемся своего. В борьбе и только в борьбе мы найдем свое право. У нас в руках сила громадная;— эта сила единение и солидарность всех рабочих, нужно только понять, сознать это.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Да здравствует солидарность всех рабочих!
Да здравствует всеобщая стачка!

Тульский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Июль, 1905-й год.

Приложение № 4.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Требования, составленные рабочими Патронного завода.

Товарищи! Полгода прошло с тех пор, как мы впервые вступили в открытую борьбу с нашими хозяевами и пред‘явили ряд требований, часть которых была немедленно выполнена. Эта стачка нам показала, что просьбы, заявления не приводят ни к каким результатам и только постоянная борьба с ними может улучшить

наше положение. И поэтому, товарищи, по примеру товарищей других городов, вновь забастовавших, будем и мы бороться за дальнейшее улучшение нашей жизни, предъявим новое требование и заставим удовлетворить их стачкой.

Вот требования, которые выработаны на целом ряде собраний нами, рабочими Патронного завода:

1) Восьмичасовой рабочий день во всех мастерских; шестичасовой в Литейной и Отжигательной мастерских Латунного завода, на вальцовке и загибке решеток Топочного завода.

2) Продолжительность работ в предпраздничные дни шесть часов.

3) Поравнение поденной платы и установление наименьшей платы чернорабочим 1 р. 25 к., мастеровым 2 р.

4) Повышение платы женщинам как поденным, так и задельным на 100%.

5) Полная поденная плата, если работы не было по вине администрации.

6) Запрещение администрации производить денежные вычеты из заработной платы без согласия рабочих по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафовка, браковка, поломка инструментов и прочее).

7) Полная поденная плата во время болезни, случившейся как по вине завода, так и вследствие физических причин.

8) Учреждение расценочной комиссии из рабочих и администрации поровну для установления расценков.

9) Пенсии потерявшим трудоспособность вследствие слабости, болезни, старости в размере $^2/_3$ заработка.

10) Меньший размер жалованья служащим и рабочим—50 р.

11) Меньший размер платы ученикам—80 к. в день.

12) Меньший размер платы машинистам—2 р., смазочникам—1 р. 95 к. и шорникам—1 р. 50 к.

13) Жалованье сторожам 30 р.

14) Увеличение платы подросткам на 100%.

15) Отмена обысков, унижающих достоинство рабочих.

16) Вежливое обращение администрации с рабочими и работницами. Обязательно говорить «вы», а не «ты».

17) Улучшение гигиенических условий в мастерских (вентиляция, нормальная температура, чистота и т. п.).

18) Улучшение медицинской помощи; расширение аптеки и больницы, увеличение числа коек. Устройство отдельных приемных комнат для больных мужчин и женщин. Приглашение на службу

женщины-врача. Обязательное и бесплатное посещение врачами больных рабочих и их семейств на дому. Получение лекарств из частных аптек за счет завода, в случае отсутствия таковых в заводской аптеке.

19) Учреждение постоянных выборных комиссий от рабочих и администрации для установления правил внутреннего распорядка, приема и увольнения рабочих и разрешения всех недоразумений между администрацией и рабочими.

20) Безусловное запрещение сверхурочных работ.

21) Расширение школы для первоначального обучения детей и устройство двухклассной школы.

22) Устройство вечерних курсов и воскресных школ по расширенной программе.

23) Расширение библиотеки книгами (главным образом по рабочему и экономическому вопросам).

24) Право свободно собираться и обсуждать свои нужды, право свободно заключать союзы для отстаивания своих интересов.

25) Возвращение штрафных денег рабочим, с которых они были вычтены; штрафные деньги неработающих в настоящее время на заводе обратить на библиотеку и другие просветительные цели под контролем рабочих.

26) Полная поденная плата за время остановки завода, вследствие ребизии (конец отчетного года).

27) Обратный прием уволенных за политические дела.

28) Запрещение производить вычеты из заработной платы по исполнительным листам.

29) Отмена ночных работ, кроме технически необходимых и постройка взамен этого новых корпусов.

30) Устройство яслей для детей и отпуск женщин для кормления детей через два часа на десять минут.

31) Устройство квартир для одиноких рабочих с отдельными комнатами.

32) Отпуск на один месяц в течение года с сохранением жалованья.

33) Переустройство потребительской лавки на паевых началах и контроль выборных от рабочих.

34) Осмотр в виду приближающейся холеры санитарного состояния завода земскими врачами при участии рабочих.

35) Устройство рукомойников в каждой мастерской и увеличение числа вешалок.

36) Устройство отдельных клозетов для мужчин и женщин и содержание их в чистоте.

37) Выдача инструментов без задержки.

38) Более свободный проход между станками.

39) Выдача платы сверхурочно за проработанные часы с 1-го по 22-е января.

40) Предварительная проверка вычетов за столовую.

41) Выдача расчетных книжек за три дня до получки.

42) Выдача обуви, чаю, сахару и молока для топочной, отжигательной и отравочной мастерских.

43) Полная поденная плата во время стачки.

44) Неприкосновенность депутатов и ненаказуемость за участие в стачке; в противном случае рабочие отвечают круговой порукой.

Будем же, товарищи, обсуждать эти требования и по призыву Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии оставим, как один человек, работу и покажем всей России, что мы, тульские рабочие, проснулись, сознаем свое положение и будем бороться до тех пор, пока не освободимся окончательно от гнета и порабощения капиталистов и правительства, которому мы также пред'явим свои требования политического характера, принятые на собрании рабочих Патронного завода.

Да здравствует стачка на Тульском Патронном заводе!

Да здравствует всеобщая стачка!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Издание Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Июнь, 1905 год.

Приложение № 5.

Из архива Патронного завода.

О забастовке в январе и июле 1905 года в одном из своих писем директор Кох 28 июля пишет:

«В январе на нашем заводе произошла стачка, вызванная общими по всей России политическими событиями и, несмотря на значительные уступки заводоуправления на требования рабочих,— например, сокращения рабочего дня на $1^{1}/_{2}$ часа, увеличения всех

расценков до 30% и т. д., настроение рабочих и поныне остается далеко не спокойным, что можно усмотреть из приложенного удостоверения фабричного инспектора.

Это брожение и послужило одной из причин заметного упадка количества выделываемых патронов в январе и последующих месяцах, не улеглось оно и до настоящего времени, вылившись 11 и 12 июля в форму общезаводской забастовки. При этом требования рабочих не могли-бы быть удовлетворены не только нами, но и никакой другой заводской администрацией, во-первых, потому, что они касались, главным образом, вопросов политических и, во-вторых, потому, что выдвинутые экономические тезисы, например, о введении шестичасового рабочего дня, примера чему нет, кажется, во всем мире, представлялись невозможными для выполнения по самому своему характеру. В виду этого администрация решила произвести расчет всем рабочим, после чего и по выработке новых правил внутреннего распорядка, набрать новый состав, из более положительных элементов местного народонаселения при чем, конечно, такая радикальная мера, долженствующая в конце концов привести к положительному результату, не могла не повлиять на временное замедление работы».

Телеграммы, посланные в июле 1905 г. директором Патронного завода Кохом в Петербург.

12 июля 05 г. Срочно Петербург Картулами. Копию международный Шейховичу.

Общее положение без перемен. Оказывается, что несколько мастерских хотят возобновить работу, другие нет. Ввиду того, что при этих условиях работать невозможно, я об'явил, что завод будет закрыт через две недели и что рабочие, которые не возобновят работу до четырнадцатого утра, получат в тот же день расчет. стоп. Губернатор и прокурор хотели присутствовать при приеме общей депутации в пять часов, на что я согласился, но рабочие отказались. Кох.

Срочно Петербург. Копию международный Шайкевичу.

Вчерашний день был очень бурный, но сегодня с утра все мастерские работают полностью. Никаких уступок не сделал. Кох.

14 июля 1905 г. В правление нашего общества С.-Петербург.

Милостивые Государи!

Подтверждаю мою вчерашнюю телеграмму и имею честь препроводить вам при сем об'явление, вывешенное мною во вторник. В результате—везде работы совершаются полностью. Но так как я хочу освободить завод от агитаторов, я дал расчет всем 25-го числа и снова наберу тех, которые спокойны. В конце концов мне придется, наверное, уволить от 100 до 200 человек.

В настоящее время я рассматриваю вместе с фабричным инспектором способ, как произвести этот расчет и новый набор людей без перерыва в работах. Увольнение рабочих также дает мне право изменить несколько пунктов в общих правилах внутреннего распорядка. До сих пор войско находится еще в заводе, но надеюсь, через день или два отпустить их, хотя, впрочем, нельзя считать спокойствие обеспеченным. С совершенным почтением. Кох.

19 июля 1905 г. Петербург Картулами Панфидину.

Заводы по поводу недоразумения с рабочими будут остановлены всю будущую неделю. Нам желательно показать завод инспектору в полном ходу. Почему просим сделать возможное задержать его приезд на две или, по крайней мере, одну неделю. Кох.

Приложение № 6.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Рабочие Литейной мастерской Латунного завода, возбудившие неосновательное требование и прекратившие с полудня сего 7 июля работы, сим оповещаются, что за силою п. 1 ст. 105 уст. пром. с неприступившими к работам с 2 часов пополудни 11 июля в понедельник будет расторгнут договор и без всяких отстоев они получат свой расчет и вид на жительство. Буде кто не явится за расчетом после 12 сего июля, того заработок и паспорт будут препровождены в Городское Полицейское Управление.

1905 г., июля 8 дня.

Директор-распорядитель общества Тульских медно-прокатных и патронных заводов *Ф. Кох.*

Помощники директора заводов (*М. Нежданов.* (*Эпштейн.*

Старший фабричный инспектор Тульской губернии *Л. Тетеро.*

Приложение № 7.

Июля, 9-го дня.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

В ответ на просьбы рабочих Литейной мастерской Латунного завода Управление заводов доводит до сведения рабочих означенной мастерской следующее:

I. Ввиду значительных средних сдельных заработков горновых и подручных увеличение расценков не может быть разрешено.

II. Сушка тигелей должна производиться по прежнему горновыми, при чем отдельной платы за эту работу Управление заводов ввести не согласно.

III. Заводоуправление согласно назначить для всех 3-х смен достаточное количество запасных горновых и подручных, заменяющих случайно не явившихся на работу.

IV. Заводоуправление согласно для выяснения вопроса о бойке глиняных тигелей провести в течение некоторого времени испытание графитовых тигелей, при чем испытание будет ведено по отношению:

1. Удобства применения графитовых тигелей для рабочего персонала.

2. Расходов тигелей на пуд годного металла.

3. Качества выплавляемого металла.

V. Бракованных досок Заводоуправление нашло возможным не ломать.

VI. Удвоить выдачу чаю и сахару.

Директор-распорядитель *Ф. Кох.*

Помощники директора заводов (*М. Нежданов.* (*Эпштейн.*

Приложение № 8.

Требования рабочих Патронного завода, пред'явленные чрез своих депутатов по цехам, и ответы администрации завода.

Требования рабочих.	Ответ администрации.
1) 8-ми часовой рабочий день.	Отказать.
2) 6-ти часовой в литейных отделен.	Отказать.
3) Удаление мастеров Фридленда, Боровикова и его помощника Толстухина.	Отказать.

4) В таком случае предупредить их о вежливом обращении.	Согласны.
5) Удаление Вредихина с сыновьями, Скоробогатого, Гельфельда.	Будет произведено расследование.
6) Удаление Долотова за взяточничество.	Будет расследовано.
7) Удаление бывш. жандарма Скосарева.	Будет расследовано.
8) Повышение заработной платы женщинам на 100 проц.	Отказано.
9) Платить старым установщикам за обучение новых, еще не обучившихся.	Принято.
10) Выдавать литейщикам и вообще у кого при работе могут страдать глаза очки.	Принято.
11) Устранить во 2-й Пушечно-Литейной недостаток инструментов.	Принято.
12) Прибавка расценки и вообще зарабочей платы.	Отказано.
13) Устроить во 2-й Пушечно-Литейной столы для осмотра гильз контрольн.	Принято.
14) Прибавить рабочим красно-меднолитейн. цеха заработную плату с 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к.	Принято.
15) Выдавать пособия больным не в половинном размере суточного заработка, а в цельном.	Отказать.
16) Выдавать семейным квартирные деньги, а холостым построить квартиры.	Отказано
17) Предупредить мастера Серебряного о вежливом обращении с женщинами.	Принято.
18) Не вычитать ни за что штрафных денег.	Отказано.
19) Предлагают устроить свою лавку на паях, а заводскую лавку требуют закрыть.	Согласны с условием закрыть заводскую лавку тогда, когда рабочие откроют собственную на паях.
20) Повысить во 2-м отделении пушечного цеха заработную плату браковщикам до 1 р. 65 к. в день.	Отказано.

21) Повысить заработную плату в Механической мастерской до 2 руб.	Отказано.
22) В Механической мастерской мало света.	Об'явлено, что Механическая м-ская предназначена к перестройке.
23) Устроить третейский суд при всяких недоразумениях рабочих с администрацией завода.	Отказано.
24) Расширение вешалок для одежды.	Принято.
25) Увеличение числа умывальников.	Принято.
26) Отмена обысков.	Отказано.
27) Пригласить женщину-врача.	Принято.
28) Расширение больницы.	Принято.
29) Открытие 2-х классной школы с программой городских училищ.	Отказано.
30) Чтобы учетные книжки всегда находились на руках у рабочих.	Принято.
31) Чтобы точила держать в исправности.	Принято.
32) Электрический двигатель в Инструментальной мастерской неисправен, часто останавливается.	Об'явлено, что уже приняты меры для замены его новым.
33) Просят ради увеличения зарабочей платы заготовку в Инструментальной мастерской делать отдельно.	Отказано.

Приложение № 9.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Рабочим и работницам Тульских медно-прокатных заводов об'является расчет 25 сего июля, т.-е. через 2 недели от 11 июля, когда они оставили работы.

С тем-же, кто не явится на работы согласно п. 1, ст. 105 Уст. Пром. (смотр. в расчетной книжке п. 16 извлечения из закона) договор найма будет расторгнут без всякого отстоя и причитающийся им заработок будет выдан им непосредственно, или через Городское Полицейское Управление.

Списки рабочих и работниц, подлежащих расчету без отстоя, будут своевременно об'явлены.

1905 г., 12 июля.

Подписи:

Директор-распорядитель Акционерного Общества Тульских Меднопрокатных и Патронных заводов **Кох.**

Помощники директора заводов **Нежданов, Эпштейн.**

Старший фабричный инспектор Тульской губ. **Тетеро.**

Приложение № 10.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

В виду поступающих просьб со стороны бывших рабочих Общества Тульских Меднопрокатных и Патронных заводов, равно как и других лиц, заводоуправление решило приступить к приему рабочих, на основании правил внутреннего распорядка, утвержденных б. старшим фабричным инспектором Тульской губернии от 23 июля 1905 года за № 33, к постепенному открытию работ во всех мастерских заводов.

Прием рабочих будет производиться с 1 августа сего 1905 г., при чем об'является к неуклонному исполнению следующий порядок найма.

Всякое лицо, желающее поступить в заводы, должно подать соответственное подписанное им заявление (с указанием прежнего своего №), которым удостоверяет, что ознакомившись с правилами внутреннего распорядка, обязуется во всем им беспрекословно подчиняться. Такое заявление должно быть подано начальнику той мастерской, в которой проситель желал-бы работать. Если начальник мастерской сочтет возможным допустить подателя заявления во вверенную ему мастерскую, то сообщает ему о таковом своем решении либо непосредственно, либо через подлежащего мастера, самое же заявление после нанесения соответственной отметки, препровождается в Главную контору на заключение директора заводов, который окончательно решает вопрос о найме.

В случае, если-бы начальник мастерской по какой бы то ни было причине не пожелал допустить на свою личную ответственность просителя в заводы, то может предложить ему запастись поручительством, по крайней мере, двух, уже принятых в заводы, рабочих, которые, скрепив своей подписью заявление, отвечают перед Заво-

доуправлением за дальнейшее поведение предлагаемого ими кандидата. Подобное заявление с поручительством подается также начальнику мастерской, который препровождает его вместе со своим заключением директору заводов.

В виду большой ответственности, возлагаемой Заводоуправлением на поручителей, рабочие приглашаются действовать в каждом отдельном случае весьма предусмотрительно и осторожно, в противном же случае сами себе припишут вину за могущие быть последствия легкомысленной рекомендации.

Во всяком случае, все поступающие в заводы должны быть согласно требованию закона подвергнуты медицинскому освидетельствованию и испытанию на соответственной работе (см. § 4 правил внутреннего распорядка, утвержденных г. Старшим Фабричным Инспектором Тульской губ. 23 июля 1905 г. за № 633).

Примечание: Бланки заявлений о приеме выдаются у отметчиков бесплатно.

1905 г., июля 29 дня.

Заводоуправление Тульских Меднопрокатных и Патронных заводов **Б. Эпштейн, М. Нежданов**.

Старший Фабричный Инспектор Тульской г. **Л. Тетеро**.

Приложение № 11.

Первая эсеровская прокламация.

В борьбе обретешь ты право свое

К рабочим Патронного завода.

Товарищи! Дружно, как один человек, вы начали открытую борьбу с вашими угнетателями—капиталистами, которые весело и роскошно живут на счет вашей крови и пота, на счет вашего нечеловеческого труда, которые строют свою сытость, свое довольство, свое безделье на ваших страданиях, ваших голодовках, вашей безвыходной нищете. Вы бросили вчера вашу обычную, повседневную работу, единодушно выставив целый ряд экономических требований, направленных к улучшению вашего тяжелого положения. Вы добиваетесь установления 8-ми часового рабочего дня, о необходимости которого говорит наука, который даст вам возможност

жить более человеческой жизнью, тратить больше времени на саморазвитие, на отдых, на удовлетворение ваших личных нужд: вы требуете повышения заработной платы, уничтожения ночного труда, удаления 52 человек из состава вашей администрации, которые своей грубостью и нахальством, своим наглым шпионством и сыском особенно намозолили вам глаза и более других мешают вам отстаивать ваши кровные рабочие интересы....

Товарищи! Ваши требования подсказаны самой жизнью: они вполне разумны и справедливы: достижение их доставило бы крупный шаг вперед в борьбе за свободу и счастье рабочих масс. Но вы не должны забывать, что ваши хозяева не останутся одиноки в своем отпоре. К их услугам тотчас же явятся царские солдаты, царские городовые. Губернатор, поставленный царем, будет говорить вам, что вы своей самоотверженной и стойкой борьбой совершаете преступление против установленного порядка, он будет стараться обмануть вас и, если ошибется в этом, начнет грозить вам нагайками, грозить расстрелом, и, понятно, не задумается привести в исполнение свою угрозу.... и его поступок будет одобрен министрами, одобрен нашим царем, царем богатых и знатных, для которого дороги только их интересы. И это вполне понятно. Царь, со всею сворой своих чиновников да сановников, привык слушать и понимать только богачей, он вырос и воспитался среди них, сам владеет громадными поместьями, огромными фабриками и заводами, он сам первый богатей, первый капиталист и эксплоататор. Что для него кровь и слезы городской и деревенской бедноты, стонущей под ярмом заводчиков, фабрикантов, кулаков? И вы знаете, товарищи, что повсюду и всегда, где только поднимался против своих грабителей рабочий люд, везде перед отважными бойцами поднимался целый лес царских штыков, везде их ряды редели от царских пуль. Помните ли вы, товарищи, как наш царь от всей души благодарил солдат Фанагорийского полка, „молодцов-фанагорийцев", за то, что они с особенным зверством перестреляли толпы рабочих, мирно боровшихся за улучшение своей доли; помните-ли вы, как он ответил петербургским рабочим в январе настоящего года на их справедливые и мирные просьбы, когда несколько тысяч бездыханных трупов остались ему безмолвным укором? Вы должны знать, что он, наш царь — преступник, много раз заявлял совершенно откровенно (и в Курске, и в Питере, и в Петергофе), что рабочим и крестьянам живется (так думает он) очень хорошо, что они должны мирно трудиться, что они должны позабыть о возможности лучшей доли. И у царских министров, чиновников, до самого последнего

станового, те же самые мысли и чувства. Им хочется безнаказанно грабить и обирать русский народ так, как это они делали до сих пор, и они всеми силами держатся за теперешний несправедливый порядок. При таком порядке рабочие не могут отстаивать своих интересов в книгах и газетах, потому что правительство не позволяет писать правды; не могут открыто сходиться для обсуждения своих насущных нужд, так как собрания и сходки запрещены по нашим несправедливым законам; не могут соединяться в союзы, чтобы дружнее и согласованнее бороться с общим врагом; не могут устраивать стачки, забастовки, так как за это им грозит тяжелое тюремное заключение и высылка по этапу.

Мало того, наше самодержавное правительство, которое правит страной без всякого отчета и которое живет в самой тесной дружбе с капиталистами, может отнять по своему произволу, единым почерком пера, все завоевания рабочего класса, приобретенные дорогою ценою, ценою неимоверных усилий и жертв, зачастую ценою крови. И такие примеры случались и случались много раз. Мы не говорим уже о тех лживых обещаниях, которые в изобилии раздаются фабрикантами и начальством во время самой забастовки, чтобы успокоить взволнованные массы, и которые остаются неисполненными после ее конца. Мы напомним Баку, где в 1904 году был всеобщей стачкой вырван целый ряд уступок и где в 1905 году все эти уступки были взяты назад.

Товарищи! В борьбе со своими хозяевами капиталистами вы не должны забывать, что она, эта борьба, пойдет успешно только тогда, когда коренным образом изменится наше государственное устройство. По всей России, разгораясь с каждым днем, идет борьба за это изменение. В Одессе, Лодзи, Либаве, в Петербурге и во всех почти русских городах рабочий народ поднимается против своих политических насильников.

И если вы хотите, чтобы ваша борьба имела больший успех, чтобы ваши жертвы принесли больший плод, вы должны требовать уничтожения самодержавия и установления демократической республики. Вы должны требовать, чтобы всеми делами заведывали народные представители, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, чтобы министров, выбранных ими, можно было судить и сменять, чтобы царя не было совсем, так как от него, кроме зла, рабочий народ ничего не видел и не увидит. И само собою разумется, должна быть полная свобода слова, печати и собраний, свобода вероисповедания, неприкосновенность личности и жилищ.

Товарищи! Но и после политического освобождения (а оно, мы верим, настанет скоро) ваша работа будет только облегчена, только поставлена на более твердую почву, но далеко она не закончена. Помимо политического гнета, вас давит еще гнет и экономический.

Нужду и лишения, голод и нищету вы терпите потому, что существует частная собственность на землю, на фабрики, заводы и машины, что все эти, как говорят, орудия производства, захвачены фабрикантами-капиталистами, а вам, трудящимся людям, чтобы не умереть с голоду, приходится наниматься к ним и работать не для себя, а для их выгоды. Такое общественное устройство, когда бедняк, чуть не помирая с голоду, трудится для капиталиста, которому некуда девать своих богатств, несправедливо и выгодно только для небольшой кучки тунеядцев и дармоедов. В интересах всех трудящихся людей необходимо, чтобы частная собственность на средства производства была уничтожена, чтобы вся земля, все машины и станки, фабрики и заводы, принадлежали всему обществу, всему рабочему люду.

Такой справедливый порядок называется социализмом.

В социалистическом обществе особые доверенные люди будут распределять каждому по его нужде все, что будет вырабатываться общественным трудом, все, что необходимо для жизни.

Товарищи! Стойте крепко за свое правое дело. И в наших рядах, среди социалистов-революционеров, борющихся за социализм, за народное счастье и свободу, вы найдете лучших союзников и друзей. Мы зовем вас на совместную работу, на борьбу, на страданья и на победу.

Да здравствует политическое освобождение, да здавствует социализм!

Тульская организация Партии Социалистов-Революционеров.
12 июня 1905 г.

Приложение № 12.

Вторая эсеровская прокламация.

В борьбе обретешь ты право свое!

К рабочим Патронного завода!

Товарищи! По постановлению Тульской Российской Социал-Демократической Рабочей Партии вы начали забастовку в понедельник, 11 июля. Несмотря на то, что, приступая к такому важному делу, Тул. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. партии не счел нужным войти в соглашение для совместной борьбы с нашими организациями, несмотря на то, что он даже не предупредил наших рабочих о готовящейся забастовке и не позвал их на массовые собрания, где вырабатывались ваши требования,—несмотря на все это мы, Тульская организация партии социалистов-революционеров и союз социалистов-агитаторов, по собственному почину, решили принести вашему движению посильную поддержку, надеясь на то, что сама борьба заставит Тульск. Соц.-Дем. Ком. работать вместе с нами при проведении этой забастовки. И вот, в понедельник же днем, перед вами несколько раз выступал наш оратор; у ворот завода стояли наши рабочие (члены наших организаций), не допуская к работе слабых и трусливых, желавших изменить общему делу; во вторник среди вас распространялись наши листки, призывавшие вас к стойкой борьбе; снова говорили наши ораторы. Наконец, в тот же вторник, по вашему требованию, наши товарищи остановили Байцуровский и Марковский заводы и руководили выработкой требований, расчитывая слить три забастовки во-едино, для достижения большей солидарности и большего успеха.

Товарищи! Все эти дни мы старались принести вашему делу как можно больше пользы. Но в то же время мы не могли не указать вам, что, при настоящих политических условиях, когда и закон, и полиция, и власть на стороне фабрикантов, плоды ваших побед будут непрочны и что вашей ближайшей задачей является свержение самодержавия и завоевание политических свобод.

Мы напоминали вам, например, что все приобретения бакинских рабочих, доставшиеся ценою громадных усилий, ценою всеобщей продолжительной забастовки, ценою крови,—были отняты одним почерком пера менее, чем через полгода. Мы предупреждали вас, что почти всегда экономические забастовки кончаются столкновением с войсками, с полицией и казаками и что нужно быть

готовым ко всему, даже к вооруженной борьбе за свои интересы. Мы надеялись, что соединенными силами трех организаций (Тул. Соц.-Дем. Ком., Тульск. орг. парт. Соц.-Рев., Союз Соц.-Агит.) нам удалось бы, с одной стороны, довести вашу забастовку до успешного конца, а с другой, в случае кровопролития, противопоставить силе войска, силе правительства нашу вооруженную силу.

Но Тульск. Социал-Демокр. Комитет не только не вошел в соглашение с нами во время самой борьбы, но даже стал мешать нам в нашей работе, не допуская наших ораторов касаться политических тем и заявив, что он будет прогонять наших ораторов и рвать наши листки, если в них будет говориться о всех трех забастовках и если общие требования (рабочих Патронного, Марковского и Байцуровского заводов) будут выпущены за нашею подписью.

Ввиду этого, наши организации не могут руководить вами в настоящей забастовке (так как мы не желаем „мешать социал-демократам", как они это утверждают, и так как своими силами, без соглашения с Соц.-Дем. Комитетом, мы не надеемся организовать во время забастовки внушительные вооруженные дружины), наши рабочие не могут выступать вашими депутатами, так как их не приглашали для выработки требований, так как они познакомились с ними слишком поздно, уже после начала забастовки, и не могли бы поэтому, как следует, их отстаивать; наши ораторы не будут больше выступать среди вас во время этой забастовки, так как они не желают быть хотя бы косвенной причиной раздора и несогласий в рабочей среде, особенно губительных в такое решительное время. Вспомните, ведь их „будут прогонять", если они будут касаться политики, а не касаться ее они не могут и не должны.

Товарищи! Мы предоставляем вам самим судить о том, насколько поведение тульских социал-демократов достойно организации, обязанной использовать все силы в борьбе за интересы рабочего класса. Держитесь крепко в вашей забастовке. А мы— мы встретимся с вами в самом близком будущем, встретимся в борьбе за свое право, в стойкой борьбе с самодержавием, в борьбе за политическую свободу, за социализм. Примыкайте же к нам для совместной работы!

Тульская организация Партии Социалистов-Революционеров.

Союз Социалистов-Агитаторов.

13 июля 1905 года.
